
СИРИЙСКИЙ ГАМБИТ: СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ В ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ «БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА»*

Саргон Хайдая

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Сирия оказалась в центре одного из геостратегических комплексов, которые возникли в результате окончания холодной войны и перераспределения глобального господства. Ключевые характеристики политического режима Сирии в контексте противоречий между глобальными и региональными политическими игроками в этом важном регионе мировой политики являются объектом пристального внимания многих аналитиков, однако, хотя все эти описания действительны в той или иной степени, сирийский режим на самом деле является режимом «номенклатуры», что не сводится ни к одному из применяемых штампов.

Ключевые слова: Сирия, политический режим, геостратегический комплекс, стратегическая культура, устойчивость, политический ислам, политическая оппозиция, гражданская война.

Несколько лет назад ведущие аналитики и специалисты по Ближнему Востоку не могли предсказать, что такая относительно небольшая страна, не обладающая значительными стратегическими ресурсами, как Сирия, станет эпицентром острых противоречий между основными политическими игроками в этом важном со многих точек зрения регионе мировой политики. Так, в известной монографии Дж. Кемпа и Р. Харкави «Стратегическая география и меняющийся Ближний Восток» [6. Р. 37—53], где впервые в наиболее завершенном виде был представлен американский проект «Большого Ближнего Востока», Сирии не отводится заметного стратегического значения.

В нашумевшей и широко цитируемой сегодня работе одного из известных пентагоновских авторов Ральфа Петерса «Кровавые границы» (См.: [8]), выражающего взгляды правого крыла экспертного сообщества США к государственно-политической конфигурации «Нового Ближнего Востока», где предсказывается создание «Священного исламского государства» с Меккой и Мединой, курдского государства с выходом к Черному морю, возникновение отдельных шиитского и суннитского государств на территории Ирака, а также расширение Иордании за счет территории Саудовской Аравии, перспективы и границы Сирии не обсуждаются.

* Статья написана в рамках исполнения Государственного контракта № 16.740.11.0099 «Политическая стабильность Российской Федерации: методика и концепция анализа, прогнозирования и моделирования» (шифр «2010-1.2.1-102-015») от 1 сентября 2010 Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг.

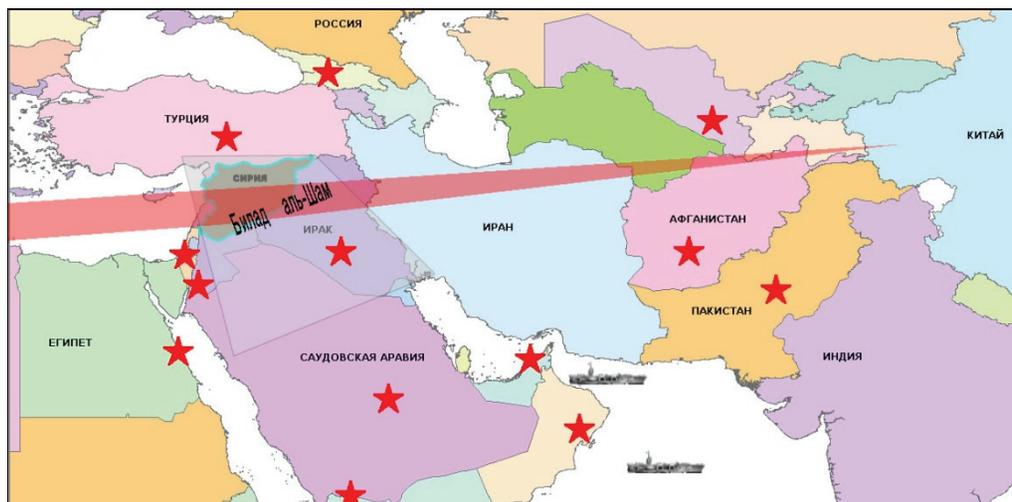
В своей не менее цитируемой работе «Реконструкция Ближнего Востока? Карты и предположения» Майкл Дэви ставит сохранение территориальной целостности Сирии в непосредственную зависимость от реализации сценария, выгодного западным игрокам: «Что касается Сирии, было бы заманчивым найти сильного лидера, занимающего менее бескомпромиссную и националистическую позицию, чем Башар аль-Асад. Тогда бы все изменения могли быть сделаны в существующих границах: быстрый поворот сирийской экономики к либерализму в сочетании с отказом от Голанских высот, аннексированных Израилем; подписание мирного договора с Израилем, выгодного с военной и экономической точки зрения, в обмен на уход из Ливана и демилитаризации этой страны; демонтаж баасизма и создание управляемой политической системы» [4. Р. 225—226]. Если это не удастся осуществить, тогда преследуется второй сценарий — сама Сирия как политический субъект перестанет существовать, слившись с суннитами Ирака в «новую политическую общность» — Билад аль-Шам [4. Р. 229].

Для США весьма важно, чтобы «классические» каналы коммуникации — воздух, земля и море, т.е. Суэцкий канал, Босфор, Красное море, Персидский залив, а также воздушное пространство между Средиземным морем и индийским океаном, должны находиться под полным контролем. Этот геостратегический коридор между Северной Африкой и Азией (Сибирский регион России, западный Китай) крайне важен для целей глобального доминирования. При этом энергетические ресурсы Месопотамии и Аравийского полуострова должны управляться союзниками США, поскольку нефть этого региона поставляется в ЕС (прямой политический и экономический конкурент США), а также в Китай, который быстро превращается в сверхдержаву. Наконец, два региональных полюса экономической глобализации — левантийское побережье и Персидский залив — должны прочно удерживаться в сфере влияния США, что будет обеспечено шаг за шагом политикой по созданию «Билад аль-Шам», Месопотамии и Центральной Аравии.

На рис. 1 показана политическая карта «Большого Ближнего Востока», на которой схематически отображены «Азиатский коридор» и область предполагаемых геополитических трансформаций.

Для анализа динамики ситуации в регионе «Большого Ближнего Востока» представляется целесообразным использовать концепцию геостратегического комплекса, разработанную Э.Н. Ожигановым применительно к региону «Большого Кавказа» [1. С. 145—160], которая получила применение в современной политической науке [9. С. 114—132].

Его анализ на уровне геостратегического комплекса исходит из того, что все политические игроки руководствуются различными концепциями всей системы отношений в геостратегическом комплексе в целом. Отношения между отдельными государствами характеризуются не только конфликтующими интересами и пониманием «безопасности», но также и противоположным видением основных характеристик геостратегического комплекса как системы. Сирия находится в центре одного из геостратегических комплексов, которые возникли в результате окончания холодной войны и перераспределения глобального господства.

Условные обозначения:

- Область предполагаемой трансформации «Билад аль-Шам»
- Азиатский геостратегический «коридор»
- Военные базы США
- Авианосные соединения США

Рис. 1. Азиатский геостратегический «коридор»

Политический режим Сирии в контексте противоречий между глобальными и региональными политическими игроками в этом важном регионе мировой политики является объектом пристального внимания многих аналитиков (См.: [7]). Сирийский режим альтернативно описывается как «баасистский», «алавитский» или «военный» (вкуче со службами безопасности).

Хотя все эти описания действительно в той или иной степени, сирийский режим на самом деле является режимом «номенклатуры», что не сводится ни к одному из применяемых штампов. Например, применение термина «алавитский» к режиму, господствующему в преимущественно суннитской стране, не отдает должного сложным отношениям режима к алавитам и другим общинам — суннитам, друзам, христианам, езидам и исмаилитам. Термин «баасистский» подразумевает режим партийного контроля государства, что не может быть применено к Сирии, и т.д.

Более точное описание сирийского режима можно дать с помощью понятия «конфессионального коалиционизма», поскольку, во-первых, не все семьи алавитов пользуются одинаковым статусом; во-вторых, центральное положение алавитов опирается на некоторые привилегии для двух других сирийский меньшинств — друзов и исмаилитов, а также на развитие сельского племенного суннитского сектора, который ранее находился в постоянной социально-экономической депрессии. Режим также привлек суннитскую экономическую «элиту» Дамаска, и с 80-х гг. прошлого века этот симбиоз между алавитской военной элитой и суннитским биз-

нес-сектором был основан на обеспечении со стороны старших офицеров защиты и гарантий для монопольного положения суннитов в определенных секторах экономики.

Фактически современный сирийский режим основан на довольно сложной системе патронажных отношений, которые могут базироваться на различных основаниях, включая следующие:

— семейные (особенно сильны в общинах алавитов, друзов, исмаилитов и в сельской среде суннитов);

— партийные и бюрократические;

— коммунальные или региональные на основе центров власти: члены «старой гвардии» структурировали собственную власть в своих общинах путем направления средств или предоставления льгот;

— военные протезы: члены старой гвардии, которые возглавляли сирийские военные структуры и службы безопасности в прошлом;

— экономические основания власти: почти все из «старой гвардии» накопили состояние и контролируют различные отрасли сирийской экономики.

Доминирующие элементы сирийского режима представляют узкий круг советников, окружающих президента, включающий всех руководителей служб безопасности и военных, а также несколько политических деятелей с личным опытом, дипломатическими способностями или другие личными чертами, которые имеют ценность в глазах президента.

В эпоху Хафеза аль-Асада различные органы власти выполняли указания президента на основе сочетания личной преданности, а также веры в стабильность существующего порядка, однако эти компоненты стали существенно терять свое значение в период президентства Башара. У бюрократической иерархии уже нет того типа лояльности, которую ранее демонстрировала политическая клика, и ему не хватает той харизматической ауры личной власти, которая заставляет подчиненных беспрекословно выполнять приказы, даже если они не понимают их значения или не согласны с ними. Уровень идеологии, вера в будущее политического режима и существующего социального строя значительно уменьшились.

Что касается модели процесса принятия стратегических решений, доставшейся в наследство от Хафеза аль-Асада, то этот процесс был полностью централизован на уровне президента, и она не оставляет места для стратегического анализа и оценок профессиональных экспертов, а информация, доводимая до президента, представляет собой разведданные соответствующих ведомств, при отсутствии стратегического контекста или рекомендаций. Хафез аль-Асад твердо контролировал процесс принятия решений как в политической, так военной сферах, и несколько менее активно в экономической области, которая в течение десятилетий фактически находилась в застое.

Хафез аль-Асад не был сторонником «коллективного мышления», а его способ получения оценок и информации состоял в персональной отчетности перед президентом, исключавшей многосторонние консультации или разработку стратегических сценариев с участием специалистов. Этот централизованный стиль руководства вкупе с полной лояльностью к президенту и четким распределением сфер ответственности сдерживали «дворцовые» интриги и остроту соперничества

между членами сирийского руководства. Стиль руководства Хафеза аль-Асада напоминал тактику «разделяй и властвуй», которая проводилась путем ограничения доступа членов его окружения к информации, что поддерживало высокий уровень неопределенности между представителями элиты и давало возможность контролировать баланс сил между ними. Фактически он действовал из недоверия к эффективности механизмов достижения консенсуса и уверенности в своей личной способности интегрировать потоки информации.

После т.н. «тройного кризиса» в начале 1980-х гг. (восстание «Братьев-мусульман»), кризис, вызванный состоянием здоровья самого Хафеза аль-Асада и вызов режиму, брошенный его братом Рифатом аль-Асадом) эта система при тогдашнем раскладе сил работала довольно эффективно и режим оставался стабильным вплоть до 2010 г., поскольку внутренняя оппозиция проявлялась редко и быстро блокировалась, а глобальные и региональные события, такие, как падение советского блока, первая война в Персидском заливе, арабо-израильский мирный процесс и т.п., особенно не влияли на стабильность в стране.

Сирийский режим не создал каких-либо институтов профессиональной поддержки для принятия стратегических решений и прогнозирования, вроде английского Секретариата Кабинета министров Великобритании, Совета национальной безопасности США или Службы планирования Израиля. Отсутствие механизма такого рода с компетенцией и ответственностью, которая вытекает из его конституционных обязанностей, а не лояльности к личности президента, не является случайным, поскольку такое устройство было бы несовместимо с авторитарным типом руководства.

Для сирийской бюрократии нехарактерна культура создания стратегических сценариев и прогнозирования. Хотя ближайшее окружение президента состоит из высокопоставленных членов партии, их вклад в процесс принятия решений связан не с их официальным статусом членов руководства партии, а с членством в узком круге военных соратников или сослуживцев, которые служат источником информации как по политическим вопросам, так и рекомендаций президенту по стратегическим решениям. Отсюда проистекал ряд просчетов, допущенных сирийским руководством на ранней стадии развития латентной политической напряженности в стране и вокруг нее.

Факторы латентной напряженности, ставшие серьезной угрозой для стабильности режима и господствовавшего социального порядка, сводятся к следующему:

- ухудшение экономической ситуации;
- признаки потери контроля в периферийных районах Сирии и ослабление политики «сдерживания», которую осуществлял режим по отношению к явным или потенциальным противникам;
- нарушение правил и структуры старой «организованной коррупции», на месте которой возникли новые «хаотические коррупции», что создало серьезные экономические проблемы для режима;
- противоречия в отношениях с оппозицией, в результате была утеряна эффективность политики «сдерживания»;
- потеря монополии и «определенности» власти в результате того, что многолетнее правление баасистского режима с одной стороны фактически уничтожило

традиционную структуру местных органов власти (*wujahah*) в сирийском обществе, а с другой — не позволило сформироваться институтам гражданского общества, альтернативного традиционным сообществам.

Эти факторы нашли свое отражение в формировании различных группировок сирийского общества, представляющих потенциальную или реальную угрозу для режима, среди которых:

— демократическая оппозиция («гражданское общество», интеллигенция, бывшие политические заключенные, лица, обучающихся за рубежом и др., выдвигающие на повестку дня реформистские требования);

— внутренняя оппозиция (группы молодых членов нижних уровней иерархии Баас, призывающие к политической реформе в качестве средства для своей мобильности в рамках застойного режима, с одной стороны, и остатки «старой гвардии», воспринимающие политику Башара как недопустимое отклонение от линии его отца);

— исламская оппозиция (члены старой исламской оппозиции, в частности, «Братья-мусльмане» и новые экстремистские группировки);

— курдская оппозиция (запрещенные курдские партии, ирредентистские группировки).

Сирийская экономика в значительной степени зависит от доходов от добычи нефти. Нефть до начала вооруженного конфликта составляла 20 процентов от ВВП, две трети экспорта, и половину государственных доходов (около 15 процентов ВВП), при вероятности, что эти источники будут исчерпаны в конце 2020-х г.

В 1980 г. Сирия закрыла транспортировку иракской нефти, компенсируя потери поставками крупных партий нефти из Ирана, в 2000-е г. Сирия позволила Ираку экспортировать нефть через трубопровод Киркук-Баниас, используя дешевую нефть для внутреннего потребления и увеличения экспорта. Однако сегодня Сирия не только не может использовать подобные преимущества, но и стала объектом политического и экономического давления со стороны заинтересованных государств, таких, как США и Турция.

Сирия оказалась вовлеченной в гражданскую войну с марта 2011 г. Несколько тысяч сирийских солдат дезертировали, многие из них вступили в т.н. Свободную армию Сирии, численность которой, по некоторым оценкам, достигает 30 тыс. человек. Тем не менее, по состоянию на конец 2012 г. сирийские вооруженные силы удержали свои основные позиции, остаются лояльными к режиму и их военный общий потенциал не был затронут в какой-либо значительной мере.

Определяя понятие нестабильности государства, следует принимать во внимание различные концепции.

Одним из наиболее явных признаков нестабильности государства является гражданская война. Хотя и не представляется возможным выявить единый катализатор гражданской войны, есть многие факторы, которые подталкивают государство к гражданской войне. Например, ряд исследователей указывают, что гражданская война наиболее вероятна в тех странах, которые либо сами недавно участвовали в войне, либо чьи соседи находятся в состоянии в гражданской войны, либо в экономически слабых странах (См.: [3]).

Г. Хегре и многие другие исследователи показывают, что гражданская война наиболее вероятна не в наименее демократических странах, а в странах, которые являются полудемократическими или переходными [5. Р. 33—48]. Учитывая широкий спектр утверждений, касающихся источников стабильности государства и ее последствий, первым шагом является определение основных тезисов для правильной и точной выработки направления для оценок.

Наиболее приемлемым нам представляется подход исследователей из Массачусетского технологического университета, которые считают, что стабильность государства является процессом, в котором страны могут находиться на разных стадиях и могут подвергаться разной степени действия факторов, ведущих к нестабильности [2. Р. 2—3].

Есть несколько степеней неустойчивости, а также различные пути достижения «конечной точки».

Исследования стабильности (или неустойчивости) государства тесно связаны с широким спектром вопросов в социальных и вычислительных науках, таких как анализ гражданских войн, политическая мобилизация, социальные потрясения, институциональное развитие (или отсутствие такового), экономическая производительность, социальная сплоченность, насилие на этнической почве, а также рядом проблемных областей, которые имеют непосредственное отношение к устойчивости государства и его жизнеспособности, также как к различным видам давления, оказываемого на государство, и разным типам угроз его целостности и стабильности. Основное предположение заключается в следующем: государство является устойчивым при условии, что уровень его устойчивости (прочности) больше, чем нагрузки (или давление), оказываемые на него.

Иначе говоря, государство является стабильным до тех пор, пока нагрузка или давление, оказываемое на него, может быть нейтрализовано с помощью ресурсов и мощности самого государства.

США, в соответствии со своим видением мирового лидера, рассматривают Сирию как некоторую часть своей «шахматной» партии с Ираном, стремясь к ограничению его влияния в «Большом Ближнем Востоке», сдерживанию его ядерных амбиций и устранению угроз стратегически важному Ормузскому проливу. В этой партии США используют Турцию, возлагая на нее основное бремя практического осуществления своих планов.

Турция, поддерживая суннитских повстанцев в Сирии, объективно подвержена наибольшему риску среди стран геостратегического комплекса, сталкиваясь с реальными последствиями, которые угрожают ее собственной внутренней безопасности и стабильности, особенно со стороны курдских сепаратистских движений в Турции, северной Сирии и Ираке.

В то время как Саудовская Аравия и Катар поставляют повстанцам оружие и финансовую поддержку, а Соединенные Штаты разместили в Турции оперативников ЦРУ, обеспечивающих разведку и определение целей, Турция приняла десятки тысяч сирийских беженцев и предоставляет убежище, оружие, материально-техническое обеспечение и подготовку бойцов «Свободной сирийской армии». Отсюда проистекают неизбежные противоречия с Ираном, грозящие нарушить шаткий баланс отношений между двумя региональными игроками.

Реальные цели Саудовской Аравии в Сирии также направлены на Иран. Саудовское руководство рассматривает сирийское восстание прежде всего с точки зрения открывшейся возможности воспрепятствовать распространению иранского влияния в регионе.

Иран, в случае потери своего близкого союзника, каковым является режим Башира Асада, столкнется с крупной геополитической неудачей. Это может произойти и прежде, чем режим в Сирии окажется в состоянии недееспособности, поэтому Иран старается поддержать сирийские вооруженные силы как с помощью поставок оружия, так и отправки в Сирию бойцов «Корпуса стражей исламской революции».

Руководство Ирана понимает, что конфликт в Сирии приобрел характер войны на истощение против разрозненных и неорганизованных, но полных решимости повстанческих сил, щедро снабжаемых извне. Поэтому Иран стремится удерживать господство алавитов в Сирии так долго, как это вообще возможно. Одним из его доводов на информационном уровне является вероятная угроза перехода алавитов, в случае возможного падения режима Башира Асада, к организации и руководству повстанцами по типу антирежимного движения в соседнем Ираке. Ни одно из соседствующих с Сирией государств (Турция, Израиль, Саудовская Аравия) не хочет развития такого сценария (в том числе и США), предпочитая наладить некоторую преемственность структур сирийского государственного аппарата и сил безопасности на основе определенного соглашения о разделе власти, что открывает для Ирана возможность влиять на ситуацию.

Попытаемся определить наиболее вероятный сценарий развития ситуации в геостратегическом комплексе «Большого Ближнего Востока». Он может рассматриваться как целостная структура или комплекс, для изучения которого используются различные методы, например — системный подход, направленный на выявление ключевых отношений между основными акторами, действующими на политической сцене. Системный подход исходит из того, что каждый зафиксированный факт детерминирован связью с другими фактами или наблюдается вместе с другими фактами.

Какой из возможных сценариев наиболее реалистично представит вероятное развитие событий, зависит от того, насколько точно в нем прописаны важнейшие факторы стратегической «сцены». Это, прежде всего, ключевые акторы, то есть основные действующие субъекты этой «сцены», ресурсы, которые могут быть ими использованы, и тактики, применяемые в борьбе за господство в геостратегическом комплексе. Большое значение имеют также факторы времени и пространства. Системный анализ включает политическую составляющую и должен учитывать, по меньшей мере, три основные группы факторов: внутреннее развитие в пределах отдельных государств; межгосударственные отношения; внешнее влияние международных игроков и сил.

Системный анализ исходит из того, что все политические акторы руководствуются различными концепциями всей системы отношений в геостратегическом комплексе в целом. Отношения между отдельными акторами характеризуются не только конфликтующими интересами и пониманием «безопасности», но также

и противоположными видением основных характеристик геостратегического комплекса как системы. К этим акторам мы относим:

- глобальные акторы — США, Россия, Китай;
- субглобальные акторы — Иран, Саудовская Аравия, Турция, Израиль;
- региональные акторы — Сирия, Ирак, Ливан, Катар.

Акторы конфликта — алавиты и союзники, сунниты и союзники, курды и «автономисты».

В качестве альтернативных мы рассматриваем следующие сценарии:

- системная стабилизация геостратегического комплекса;
- устранение угроз стабильности комплекса: разрешение конфликта;
- сохранение статус-кво ситуации лета 2012 г.;
- интенсификация конфликта до уровня полномасштабной локальной войны;
- падение сирийского режима и раздел Сирии;
- вторжение в Сирию и война «блоков».

На рис. 2 отображен интерфейс компьютерной программы *ExpertChoice v.11* с результатами сценарного прогнозирования ситуации в геостратегическом комплексе «Большого Ближнего Востока» на осень 2012 г. в показателях относительных весов возможных сценариев (правая сторона схемы) и роли акторов (левая сторона схемы).

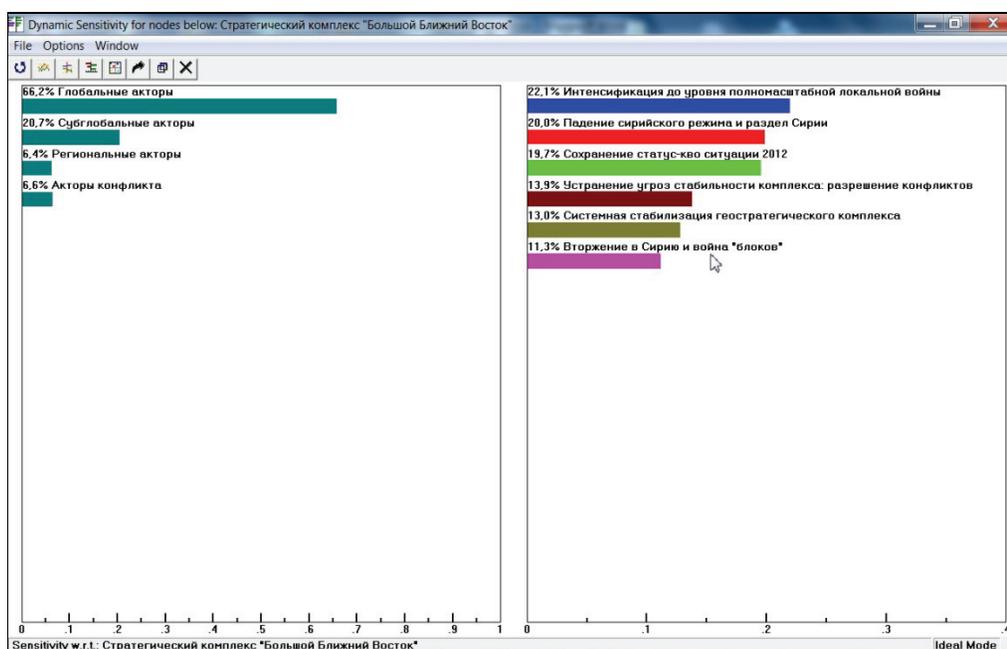

Рис. 2. Сценарии развития ситуации в геостратегическом комплексе «Большого Ближнего Востока»

Наиболее вероятным является сценарий «Интенсификация конфликта до уровня полномасштабной локальной войны» (относительный вес 22,1%), за ним следуют сценарии «Падение сирийского режима и раздел Сирии» (относительный вес 20,0%) и «Сохранение статус-кво ситуации лета 2012 года» (относительный вес

(19,7%). Остальные три сценария — системная стабилизация геостратегического комплекса, устранение угроз стабильности комплекса и вторжение в Сирию и война блоков в рассматриваемый период не актуальны.

Глобальные акторы — США, Россия и Китай будут играть решающую роль в наиболее вероятном сценарии (общий удельный вес этой группы акторов политической сцены «Большого Ближнего Востока» — 66,2%), в то время как другим акторам отводятся роли младших партнеров и исполнителей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ожиганов Э.Н.* Стратегический анализ политики. — М.: Аспект-пресс, 2006.
- [2] *Choucri N.* Using System Dynamics to Model and Better Understand State Stability. — Working Paper CISL № 2007-03. — MIT. — July 2007.
- [3] *Collier P. e.a.* Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. — Washington DC: The World Bank, 2003.
- [4] *Davie M.F.* Un Proche-Orient à remodeler? Hypothèses et cartes. — *Outre-Terre*, 2003/4. — № 5.
- [5] *Hegre H., e.a.* Toward a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816—1992. — *The American Political Science Review*. — 2001. — Vol. 95. — № 1.
- [6] *Kemp G., Harkavy R.E.* Strategic Geography and the Changing Middle East. — Brooking Institution Press, Washington, 1997.
- [7] *Leverett F.* Inheriting Syria: Bashar's Trial by Fire. — Washington, Brooking Institution Press, 2005.
- [8] *Peters R.* Blood Borders: How a Better Middle East Would Look. — *Armed Forces Journal*. — 2006. — June.
- [9] *Tsvetovat M., Konovalov V.* Geo-Strategic Processes in the Greater Caucasus and Caspian Regions: Prognosis from Dynamic Models (in Russian). In A.P. e.a. V. Ignatov (Ed.), *Conflict Resolution and Cooperation in Northern Caucasus*. — Vol. 2. — Rostov-on-Don, Russia and Bonn, Germany: Friedrich Ebert Stiftung and Russian Academy of Sciences (2006, September).
- [10] *Ziadeh R.* Power and Policy in Syria: Intelligence Services, Foreign Relations and Democracy in the Modern Middle East. — I.B. Tauris & Co Ltd, 2010.

SYRIAN GAMBIT: A CLASH OF INTERESTS IN THE GEOSTRATEGIC COMPLEX «GREATER MIDDLE EAST»

Sargon Haydaya

The Department of Political Science
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Syria was at the center of one of the geo-strategic complexes that have arisen as a result of the Cold War and the redistribution of global domination. Key characteristics of the political regime of Syria in the context of the contradictions between the global and regional political players in this important region of the world politics are closely monitored to many analysts, however, although these descriptions are valid to some extent, the Syrian regime is actually a mode of “nomenclature” that can not be reduced to any of the used stamps.

Key words: Syria, the political regime, geostategic complex, strategic culture, sustainability, political Islam, the political opposition, civil war.